

Литературная страница

«Но окна не стеклом — лучом зари стеклил»

(Новые переводы из Язепу Пуцци И. Хазина)

Имя Язепу Пуцци (Иосифа Павловича Плавчинского), вместе с Якубом Коласом, Якой Купалой, Змитраком Бядулей стоявшего у самых истоков зарождавшейся советской белорусской поэзии, хорошо известно и дорого муромским читателям. Но популярным здесь преимущественно те произведения поэта, которые первыми появились в русском переводе и связаны с его более чем двадцатилетним пребыванием на муромской

земле, с годним учительства в Чадаевской средней школе. Щедрое многоцветие панорам талантливого поэта предстает нам открываться и открывать. Как и многие искренние, честные художники, наследие свое призвание в подлинном служении народу, Пуца не избегал вседозвучий карающей десницы сталинского прозвала, подвергся репрессиям еще в начале 30-х годов. Об этом периоде его жизни пока мало собрано документальных свидетельств, но на верное, ни один документ не донес бы до нас больше правды, чем сохранившееся стихотворение «На этапе», написанное Язепом Пуццей на Урале, в Шардинске, в 1932 году. И на муромской земле, оставшись, к счастью, в живых, он фактически спасается от неусыпного бдящего ока берневских шпекер. На всю жизнь сохранил опальный поэт сердечную благодарность земле, ставшей ему надежным пристанищем, с которой впоследствии родятся прониковенные строки:

На щедрой муромской земле
Пришлось прожить

немало мне,
Не ведал я бед,
Не русский там певец,
И с ним сроднился,
Он кров и хлеб со мной делил.
Эта фольклорная прозрачность слога, теплота сыновнего чувства, органически присущий его сердцу солнечный оптимизм особенно привлекают в стихах Язепу Пуцци. Ведь даже под новобойным бичом, вынужденный возродить темницу себе подобным, он коина не стеклом — лучом зари стеклил. Неудивительно, что и в работе над переводом его произведений словно бы припадешь к живительному роднику, заржабевшей этой энергией веры, любви и душевной чистоты.

К 90-летию со дня рождения выдающегося поэта, которое будет отмечаться 20 мая 1990 года, в Белорусском республиканском издательстве выйдет в свет наиболее полное собрание его сочинений в двух томах.

И. ХАЗИН.
На снимке: Язеп Пуца.

На этапе

Я леденел душой
От боли, от тоски,
Когда этапом шел
От Минска до тайги.
Бутырки...
Мрак и гнет...
Неволя застит свет
Решетки переплет —
Ни звезд, ни солнца нет.

Все вымотает вон
Параш слязь и мразь,
Этап адский сон
Припомнится не раз.
Стоялнский вагон
Увозит на Урал.
Сквозь воду и огонь
Злой рок меня погнал.
Таким был молодой,
А с горя пухля немел.
Просил глоток воды,
Но не подали мне.
Свердловск, река Миас,
И берет так келье...
Я вспоминаю час.
Под стон плачущих
Как раб, я под бич
Тюрма здесь воевал.
Но окна не стеклом,
Лучом зари стеклил,
И светлым светлым
За стужу не боялся,
Я писал стихи
Но их никто не слыл.
Без льдин, без весла
До волн ой до гробу!
Травма да рана
Стегала плетью
Стегала и трахом
Судьбина злая плетью
Пыльником занесла
Под Шардинск, на келье.
Теори, поэт, свой стих,
Заглушат песни боль.
Волна подхватит их
И унесет в Тобол.

Соловей

Не певал он ясным зорям
За далеким синим морем,

Не певал он скалам голым,
По родным грустил он долам,
Но весной певец крылатый
Прилетел к родимой хате,
Из листка испил росинку
Чистую, как та слезинка,
Поклонился у порога,
Струны голоса потрогал,
Над колодезем, в ветках ели
Серебром рассыпал трели.

1956 Сыну

Уже двенадцать бьют часы,
Отчиче песни помолось я,
К... ближе подойди,
... о Белоруси.
... простор,
... не склонялся,
... неугомонный бор
С тобой где ни разу не шептался.
... изгнания дин
... России,
... огни
Над горизонтом дальним,
... синим.
Не забудь, прошу,
Отцовских слов,
Достался мне суровый
Путь поэта,
Оставляю только томик
Я стихов,
Измученной душой согреться.
Осыдут туман
... даль,
... народу в дар.
1952 год.
с. Чадаево.

Иду и падаю под грузом

На сердце тот же тяжкий груз,
Хотя и гром грозы отгрохал,
Твое несущ я, Беларусь,
Все бремя горя на Голгофу.
Иду, валюсь под этим гнетом,
Течет с лица кровавый пот.
Все недоумевает кто-то:
«Он до сих пор еще живет!»
Но не ношу на сердце камень,
Изведав пытку и тюрьму.
Навеки кривда в прорву канет,
И в Отчизну обниму.
Дойду и сброшу с плеч я бремя,
Родную расцелую землю.

1947 Люблю

Я подружился с этими лесами:
Не расставаться б днями и ночами.
Люблю бродить тропинками лесными
Меж елками и соснами густыми
И среди кленов на просвете синем
Увидеть покрасневшую рябину,
Листочки под лучами золотые —
Люблю я солнца песни молодые!
Люблю их слушать долгими часами —
Как хорошо здесь встретиться с друзьями
И среди сосен, среди древних елей
Та песни спеть, что наши деды пели.

Вишенка

Щедро солнце светит,
С ветерком в ладу,
В белоснежном цвете
Вишенка в саду,
Весело смеется,
Радуюсь весне,
Пригоршнями летя
С веток чистой снег.
Безмятежно юный,
Отцветает май,
Вишенку, июнь,
Покрепче обнимай:
«Вишенка-краса,
Мне любимой стань!»
Листья, как коса,
Обвивают стан.
Дней лучистых жар
Греть не оставь,
С ягодок загар
Дождичку не смывать.
А июль да гуляй!
В вишенку влюблен!
Сок с вишневых губ
Счастливы пить и он.
Послещите в сад
Вишню навестить
Кто из нас не рад
Сок вишневый пить?

Соколик мой ясный

Солнце нам не светит
И на звездах тень,
Ой, когда на свете
Вновь запылесит дым?
Осветится солнцем
Все, что скрыто тьмой,
Постучит в оконце
Соколенок мой,
После долгой ночи,
После всех утрат,
Выйду, мой сыночек,
Я к тебе в наш сад.
Отгною все боли,
Горе отряхну,
Спой мне, сопой, соколик,
Песенку свою.
В радость твою пеню
Летом и зимой.
Ты мне утешенье,
Ненаглядный мой,
Дом тоскует отны,
Встретить тебя рад.
Милый мой сыночек,
С кем мне выжить в сад!
Стоишь, плечу гусли
В травках за рекой,
Ждут тебя. Дождусь ли,
Соколенок мой?
1943 год.

Я — не Гораций

Нет, не Гораций я в венке лавровом,
Не тепил стих мой моцентовских ушей.
Я только Пуца, в небынном горе
Быть может, всех поэтов в грешней.
Вполне изведав прелести темницы,
Когда в суровой северной тайге
Промерзли звезды в горечи, в тоске,
Изнемогал в пути и падал ниц я.
Судьба отменила недобрый взором,
Отравленным поила душу соком...
Пусть не взлетел мой стих,
как ясный сокол,
Но солнца свет не заслонили горы,
И бился в мой песне пухль горячий,
Пускай лишь Пуца я, а не Гораций.